

А Цзинь, обычно сдержанный, на этот раз позволил себе улыбнуться. — Ваше высочество, не тревожьтесь. Он велел мне вернуться во дворец, чтобы избежать лишних глаз. А завтра на рассвете, как откроют ворота, он сам покинет город. У Чжо, старший брат У, был им с братом другом не разлей вода. Когда ваше высочество спросили, можно ли подобрать кого-то поближе к господину Ляну, я сразу о нём подумал. Человек он бывалый, в игорных да веселых домах — как рыба в воде, быстро вошёл в доверие к Ляну. У Чжо — парень с принципами, давно мечтал отомстить за брата, да только против Ляна со всеми его связями ничего поделывать не мог. Услышав от меня о вашем высочестве и его замысле, тут же к Ляну подкатился и вскоре стал его правой рукой. Кто такой Цэнь Цюэхэ и кто его хочет проучить — У Чжо не ведал, но, раз подвернулся случай пристроиться к Ляну, он изо всех сил постарался эту затею проверить.

Цэнь Цзибай опустил занавеску, уголки его губ приподнялись в холодной, довольной усмешке. Цэнь Цюэхэ был жесток и сластолюбив — что ж, пусть вкусит ночь страсти.

В тот вечер господин Лян уступил Цэнь Цюэхэ в торгах, а затем, взяв с собой двух любимых мальчиков, постучал в дверь к Ижу. Цэнь Цюэхэ, польщённый его уступчивостью, счёл того человеком понимающим. А когда Лян подослал к нему двух смазливых и покорных юнцов, да ещё и вином усердно угощал, рассказывая всякие пикантные истории, тот быстро вовлёкся. Лян, как завсегдатай Терема Весенних Желаний, попросил всех удалиться, оставив лишь Ижу да двух мальчиков, мол, хочет поведать господину Чэню (под такой фамилией представился Цэнь Цюэхэ) о новейших забавах для опочивален. Естественно, никто не возразил.

Цэнь Цюэхэ, разгорячённый беседой, терял бдительность. Ижу же Лян со слугами успели уже до бесчувствия опоить, и тот свалился без памяти. Когда же и Цэнь Цюэхэ от вина и утех совсем отключился, в ожидании обещанных «новшеств», его внезапно скрутили, заткнули рот тряпьем и швырнули на кровать.

Стража у дверей, зная склонности своего господина к эксцентричным затеям, сначала отказалась от приглашения Ляна разделить трапезу. Но когда к ним прямо к дверям поднесли отменного вина, да ещё и красавицы собственноручно стали подносить им чаши прямо к губам — так называемая «чаша из уст прекрасных» — их понемногу разобрало хмельное сладострастие, и они, обняв подаренных им девиц, разбрелись искать утех. Тех же одного-двух, кто остался на посту, тихо огрели по головам, и те отключились.

У Чжо, видя, что дело сделано, крикнул в сторону покоев, где расположилась охрана, что с господином Чэнем стряслась беда, а сам немедля покинул Терем Весенних Желаний.

Стража в панике ворвалась в покои Ижу и узрела поистине ужасающую картину. Немедля схватив троих виновников, они принялись их избивать. Цэнь Цюэхэ, даже будучи пьяным, очнулся от дикой боли, и как только из его рта вынули тряпку, он завопил. У Ляна тоже была немалая свита, и, увидев такое, те ринулись отбивать своего. Завязалась потасовка, и в Тереме Весенних Желаний воцарился хаос. Шум привлёк ночной патруль. Старший, увидев, что пострадал господин Лян, немедля принял его сторону, велел схватить Цэнь Цюэхэ и доставить к градоначальнику Линъяна, дабы вменить тому буйство и нарушение порядка. Цэнь Цюэхэ, видя, что его вправду хотят арестовать, в боли и панике выкрикнул своё княжеское звание. Ночной патруль доложил градоначальнику, а тот наутро отправил запрос во дворец для проверки. Так на следующий день по всему дворцу и городу поползли слухи: принц Цюэхэ провёл ночь в Тереме Весенних Желаний, и там его жестоко избили.

Род Лян в Линъяне, хоть и не мог равняться с родами Сун, Линь или Чжоу, всё же был средним семейством с многовековой историей. То, что господин Лян бесчинствовал в городе безнаказанно, во многом обеспечивалось его дядей по матери — градоначальником Линъяна

Чжэн Синьянем. Должность градоначальника Линъяна была не самой высокой в административном делении царства Ся на области, города и уезды, но, будучи управителем столицы, открывала немалые перспективы. Самого Чжэн Синьяня Цэнь Цзибай почти не помнил, но он выяснил, что у того был свойственник по имени Вань Юйвэнь. Жаль, думал Цэнь Цзибай, Вань Юйвэнь всё ещё служил градоначальником в провинции. Будь он на месте Чжэн Синьяня, Цэнь Цзибай подготовился бы иначе. Увы.

Господин Лян привык бесчинствовать в Линъяне без оглядки, но на сей раз он наступил на Цэнь Цюхэ, а тот был принцем. Чжэн Синьянь же был человеком робким, нерешительным и всего опасавшимся. Свалившаяся на него напасть заставила его горько пожалеть о существовании такого племянника. Смерти он ему, конечно, не пожелает, но после такого скандала его собственная карьера и жизнь едва ли останутся прежними.

На следующий день под вечер Линь Сюнь возвращался из Великой академии в усадьбу. Поскольку и старший, и третий братья были дома, госпожа Линь ещё накануне пригласила Сун Сяоси, и тот оставался у них. Линь Сюнь помнил, что Сун Сяоси просил его прихватить османтусовых пирожных из лавки «Жунгуй», поэтому остановил повозку и велел Да Цзяню отстоять очередь и купить. Сам же, заскучав в ожидании, вышел прогуляться и случайно уловил в толпе слова «второй принц». Заинтересовавшись, он пристроился позади говоривших и, простояв с ними в очереди, выслушал всю историю до конца. В итоге он и Да Цзянь купили по две порции пирожных.

Да Цзянь, получив покупку, заметил, что с его юным господином творится неладное: тот ухмылялся, как безумец. Линь Сюнь всю дорогу торопил возницу, и, едва повозка остановилась у ворот, он, словно стрела, выпущенная из тугого лука, помчался в сад, выкрикивая: «Сяо Сяо!» Увидев, что Сун Сяоси вместе с госпожой Линь подрезает ветви зимней сливы, он, нимало не смущаясь, подбежал к ним и возвестил на весь сад: «Сяо Сяо! Цэнь Цюхэ в Тереме Весенних Желаний так отделали — весь в крови!»

Госпожа Линь, едва услышав «Терем Весенних Желаний», вспыхнула от гнева, тут же прикрыла ладонями уши Сун Сяоси и, сверкнув глазами, грозно взглянула на Линь Сюня: «Негодный мальчишка! Такие речи в дом приносишь! В родовой зал — на колени!»

Сун Сяоси же, напротив, жаждал подробностей. От того, что Цэнь Цюхэ влип в беду, он только радовался — почему же крёстная наказывает Линь Сюня? Он потянул госпожу Линь за рукав: «Крёстная, не наказывайте его, пожалуйста».

Из беседки в сливовом саду вышли старшие братья Линь и сам великий генерал Линь. Линь Юань взглянул на своего несдержанного младшего брата и покачал головой с усмешкой: «А ты знаешь, что это за место — Терем Весенних Желаний?»

Великий генерал Линь холодно окинул взглядом своих неугомонных отпрысков: «О делах правящего дома рассуждать не подобает». Заметив, как разгневана его супруга, он слегка кашлянул и махнул рукой в сторону родового храма. Несчастный Линь Сюнь, так и не поняв, в чём провинился, нехотя поплёклся на поклоны.

«Оба принца — охотники покидать дворец, — странным тоном протянул Линь Ду, не отводя взгляда от Линь Цзиня. — А за стенами-то беспокойно...» Вчера ведь третий принц тоже выбирался?

Линь Цзинь фыркнул с презрением: «Цэнь Цюхэ с Сяо Чжу и сравнивать нельзя».

Меня зовут Линь Сюнь, второе имя — Цзяньчжи. Не то «цзяньчжи», что значит «постепенный», а то, что изречения: «Куда достигает свет солнца и луны, куда доходят повозки и лодки, куда падает роса и где вскормлены злаками» или «Взрачивать в себе человеколюбие и увлекаться справедливостью» — так учитель Лю растолковал, велел мне следовать добродетели и долгу.

Я не силен в этих заумных речах, но после начала обучения учитель Лю дал мне второе имя — вот и всё.

В нашей семье три старших брата: Линь Юань, второе имя Вэньцуй; Линь Ду, второе имя Юаньци; и Линь Цзинь, второе имя Мэнчжоу. Отец с матерью всегда мечтали о дочери. Мать ждала-ждала, а родился снова я, сын. Старший брат говорил, что тогда отец с матерью решили: раз уж родился мальчик, можно и так, «сойдёт».

Вот так — «сойдёт»... Эх, нелегкая моя доля.

В нашем роду все сыновья идут на войну, бродят по югу и северу, в дождь и ветер, подолгу не бывая дома. Будь у нас дочь — та могла бы оставаться с матерью. Вышла бы замуж где рядом, в самом Линьяне, навещала бы мать каждые несколько дней, поболтала бы о том о сём, вместе на пиры ходили бы, на северные да южные горы любоваться пейзажами. Раз дочери не случилось, отец решил воспитывать меня «сойдёт» — как девочку. Не в смысле рукоделия учить, а чтобы на войну не отправлять.

С малых лет братья мои вставали в пятом часу утра, бегали несколько кругов по двору, отрабатывали семейный комплекс фехтования. Третий брат был тогда мал, но уже ловко управлялся. Потом они с утра пораньше отправлялись в родовую школу. Второй брат с здоровьем слаб был, и всё хуже становилось. Воинским искусствам он больше не обучался, но в школу ходил. Зимой — холод собачий, ветер — будто мёрзлая груша, зубы стучат. А я, выспавшись вдоволь, сладко потягиваюсь и вылезаю из-под одеяла, а мать, принеся ручную жаровню, рассказывает мне древние истории, читает книги по истории, философии. Я слушаю, голова идёт кругом, клонит в сон — и я снова засыпаю.

<http://bllate.org/book/15933/1423997>